

ПРОЛЁТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 6 (857)

30 января 1940 г., вторник

Цена 30 коп.

О чеховской «беспристрастности»

Вспомним рассказ Чехова «Враги».

У земского врача Кирилова умер от дифтерита шестилетний сын. У помещика Абогина тоже горе: его жена притворилась больной, послала его за врачом, а сама тем временем сбежала с любовником. Кирилову невыразимо трудно оторваться от только что умершего мальчика, от жены, оставить ее дома одну, он неспособен сейчас действовать, реагировать, он «даже говорить не в состоянии». Но Абогин умоляет его поехать к своей «умирающей» жене, верст за пятнадцать, в его имение, и Кирилов, наконец, соглашается. Когда они приезжают, обнаруживается обман. Абогин совершенно ошарашен своим горем. Он кричит:

«Низость! Подлость, гаже чего не придумал бы, кажется, сам сатана! Услала затем, чтобы бежать, бежать с шутом, тупым клоуном, альфонсом! О, боже, лучше бы она умерла! Я не вынесу! Не вынесу я!»

Доктор выпрямился. Его глаза замигали, налились слезами...

— Позвольте, как же это? — спросил он, с любопытством оглядываясь. — У меня умер ребенок, жена в тоске, одна на весь дом... Сам я едва стою на ногах, три ночи не спал... и что же? Меня заставляют играть в какой-то пошлой комедии, играть роль бутафорской вещи! Не... не понимаю!»

Абогин не слышит, что говорит Кирилов, он совершенно потрясен изменой любимой женщины, для которой он пожертвовал всей своей карьерой, родней, своими музыкальными способностями, отдал ей всю свою жизнь. Он продолжает вопить, ругать себя, рассказывает тайны своих отношений с женой.

«— Зачем вы все это говорите мне? Не желаю я слушать! Не желаю! — крикнул он и стукнул кулаком по столу, — не нужны мне ваши пошлые тайны, чорт бы их взял! Не смеете вы говорить мне эти пошлости!..»

— Зачем вы меня сюда привезли? — продолжал доктор, трясая бородой. — Если вы с жиру женитесь, с жиру беситесь и разыгрываете мелодрамы, то при чем тут я? Что у меня общего с вашими романами? Оставьте меня в покое! Упражняйтесь в благородном кулачестве, рисуйте гуманными идеями... играйте на контрабасах и тромбонах, жирейте, как каплуны, но не смейте глумиться над личностью! Не умеете уважать ее, так хоть избавьте ее от вашего внимания!

— Позвольте, что это все значит? — спросил Абогин, краснея.

— А то значит, что низко и подло играть так людьми! Я врач, а вы считаете врачей и вообще рабочих, от которых не пахнет духами и проституцией, своими лакеями и моветонами, ну, и считайте, но никто не дал вам права делать из человека, который страдает, бутафорскую вещь!..

... — Вы с ума сошли! крикнул Абогин. — Не великодушно! Я сам глубоко несчастлив и... и...

— Несчастлив, — презрительно ухмыльнулся доктор. — Не трогайте этого слова, оно вас не касается. Шалопан, которые не находят денег под вексель, тоже называют себя несчастными. Каплун, которого давит лишний жир, тоже несчастлив. Ничтожные люди!..

Абогин и доктор стояли лицом к лицу и в гневе продолжали наносить друг другу незаслуженные оскорбления. Кажется, никогда в жизни, даже в бреду, они не сказали столько несправедливого, жестокого и нечепого. В обоих сильно сказался эгоизм несчастных...»

Кончается рассказ прямым авторским высказыванием, осуждающим мысли земского врача Кирилова о людях, «живущих в розовом полумраке и пахнущих духа-

ми», — мысли эти были «несправедливыми, недостойными человека и нечеловечно жестокими». Чехов стоит в позе беспристрастного свидетеля. Обе стороны — и Кирилов, и Абогин — наделены весомыми мотивировками горя: умер сын; подло обманула женщина, составлявшая смысл всей жизни.

Но подлинная художественная суть рассказа раскрывается в двух, противопоставленных друг другу картинах. Первая изображает горе Кирилова.

«Тот отталкивающий ужас, о котором думают, когда говорят о смерти, отсутствовал в спальне. Во всеобщем столбняке, в позе матери, в равнодушии докторского лица лежало что-то притягивающее, трогательное сердце, именно та тонкая, едва уловимая красота человеческого горя, которую не скоро еще научатся понимать и описывать и которую умеет передавать, кажется, одна только музыка. Красота чувствовалась и в угрюмой тишине. Кирилов и его жена молчали, не плакали, как будто, кроме тяжести потери, сознавали также и весь лиризм своего положения: как когда-то, в свое время, прошла их молодость, так теперь, вместе с этим мальчиком, уходило навсегда в вечность и их право иметь детей!»

Другая картина изображает горе Абогина.

«У порога этой двери стоял Абогин, но не тот, который вышел. Выражение сытости и тонкого изящества исчезло на нем, лицо его, и руки, и поза были исковерканы отвратительным выражением не то ужаса, не то мучительной физической боли».

В горе Абогина нет никакой **человеческой красоты**. Оказалось, что «выражение тонкого изящества» было внешним и поверхностным у Абогина: оно слетело, когда дело зашло о его кровных жизненных интересах. У Кирилова же горе пробудило его человеческую красоту. Уже из этого видно, что Кирилов прав, когда говорит, что Абогин не имеет права называть себя «несчастливым». И сразу становится ясным, что слова Кирилова — и о каплунах, которого давит лишний жир, и который поэтому чувствует себя «несчастливым», и, в сущности, все, что говорит Кирилов, выражает чувства самого Чехова. Это видно и во множестве деталей. Кирилов и его жена молчали, даже не плакали, а Абогин «продолжал вопить». Разумеется, Чехов с его презрением к крикливому выражению эмоций и с его сдержанностью — на той стороне, которая молчит, а не вопит в горе. Когда Абогин умоляет Кирилова поехать с ним, «Абогин был искренен, но замечательно, какие бы фразы он ни говорил, все они выходили у него ходульными, бездушными, неуместно цветистыми и как будто даже оскорбляли и воздух докторской квартиры...»

Физически ненавистную Чехову **пошлость** чувствуем мы в Абогине. Замечательно, что он красив, изящен, похож на льва, но в этом сходстве со львом есть **пошлость**, потому что красота Абогина, как мы знаем, оказалась внешней и поверхностной...

Так — первый слой «беспристрастного» рассказа о том, как два интеллигентных человека под влиянием горя несправедливо обидели друг друга, разламывается, и обнаруживается настоящий Чехов, художник с кровным, глубоко проникшим в самую суть его образов презрением к паразитизму и барству.

Так обнаруживается, что «беспристрастие» — только художественный прием для выражения страстной любви Антона Павловича Чехова к людям труда, потому что только они и являются **людьми** в настоящем смысле этого слова.